

ОСНОВЫ СИНДИКАЛИЗМА

Определение синдикализма

Слово синдикализм получило в настоящее время широкое распространение и, вместе с тем, более глубокий смысл. Прежде обыкновенно во Франции называли синдикалистом всякого рабочего, входящего в члены профессионального синдиката. Синдикалист - означало просто принадлежность рабочего к профессиональной организации. Принятое в этом смысле слово синдикалист одинаково прилагалось как к члену революционного (красного) синдиката, так и к члену желтых синдикатов, создаваемых под покровительством капиталистов и правительства.

Но, теперь во Франции синдикалистами называют в большинстве случаев рабочих, состоящих не только членами профессиональных синдикатов, но придерживающихся известных социальных теорий.

Слово "синдикализм" стало общим термином, обозначающим известный момент рабочего сознания и синдикалистами называют трудящихся, которые освободились от многих ложных понятий и предрассудков, и сознают, что всякие частичные улучшения и коренные изменения являются исключительно результатами деятельности и воли народных масс. На развалинах прежних верований и суеверий, синдикалисты выработали новое истинно человеческое мировоззрение, основанное на наблюдении и верном понимании социальных явлений.

Синдикалист - это, конечно, прежде всего участник профессиональной организации - синдиката. Но, он видит в синдикате не только союз для защиты узких профессиональных интересов, но союз для борьбы с эксплуатацией и гнетом. Синдикалист не согласен также с теми, кто хочет сделать из рабочего синдиката как бы подготовительную школу, где воспитываются и вербуются деятели и политические вожди, которых рабочие массы посылают в парламент на завоевание политической власти.

Для синдикалиста синдикат - это самостоятельная и автономная основная организация рабочего класса, могущая служить для удовлетворения всех запросов, нужд и потребностей трудящихся.

Следовательно, для синдикалиста синдикат не является временной или второстепенной организацией. Для него синдикат есть, как мы уже сказали, основная и существенная форма рабочего объединения. Он возникает и возникает, как все в природе, естественно, лишь только создадутся благоприятные условия в социальной среде и почувствуется потребность в такой организации.

На самом деле, что может быть более естественным фактом, чем сближение трудящихся, взаимное понимание и объединение эксплуатируемых? Из этого естественного факта, из этой общности интересов и зарождается, независимо от всяких теорий и учений, синдикат, т. е. профессиональный союз рабочих, занятых в одной и той же профессии, одним и тем же ремеслом. Этот союз ставит целью защиту своих профессиональных интересов и организацию взаимной помощи.

Но, синдикалист не ограничивает деятельность синдиката только защитой профессиональных интересов и организацией взаимной помощи, он видит в синдикате органическую ячейку будущего общества, которое вырастет на развалинах капиталистического строя, В этом новом обществе, (коммунистическом или каком-либо другом) синдикат явится основной группировкой, которая будет объединять людей, занимающихся одинаковым трудом и выполняющих одинаковые общественные обязанности.

Таким образом, синдикат - или профессиональный союз является органической клеткой всякого общества.

В настоящее время синдикат для синдикалиста представляет организацию для борьбы за интересы Труда против Капитала, а в будущем он будет тон основой, на которой будет создано нормальное общество где не будет эксплуатации и насилия.

Борьба рабочих в девятнадцатом столетии. Предшественники синдикализма

Синдикализм не является созданием какого-либо мыслителя; он не есть плод какой-либо теории, возникшей в уме какого ни будь ученого. Синдикализм развился из наблюдения исторических фактов и, можно сказать, что он является результатом и завершением всей столетней борьбы, которую вел рабочий класс во Франции против буржуазии.

В течение всего девятнадцатого века французский пролетариат старался отделить свою деятельность от чисто политической борьбы буржуазно-демократических партий. Но для этого потребовались очень значительные усилия, так как буржуазия для того, чтобы беспрепятственно управлять народом, нуждалась, если не в поддержке рабочего класса, то, по крайней мере в том, чтобы он не мешал ей в управлении, с этой целью буржуазия не только старалась подавить всякое проявление самостоятельности в рабочем классе, но и воздействовала на него при помощи воспитания, стараясь отвлечь пролетариат от изучения экономических вопросов и стремясь направить его внимание и надежды на завоевание демократических реформ.

Нельзя не указывать на тот факт, что развитию автономной рабочей организации всегда мешали не только невежественные люди и реакционеры, но также и демократы, которые

стремились укрепить демократический строй, являющийся лишь продолжением старого порядка, где горсть паразитов живет в довольстве благодаря труду бессознательных народных масс.

Буржуазный класс, при помощи государственной власти, укрепил свои привилегии и сделал из Государства орудие своего господства. Поэтому то пролетариат за все время своей борьбы не мог не заметить, что все правительства, какие бы названия они не носили, всегда стояли на стороне богатых. Рабочий класс не чувствовал при переменах правления никаких улучшений в своем положении. Все правительства относились к нему враждебно и недоброжелательно. Если иногда рабочим и удавалось получить некоторое облегчение своей жалкой участи, то этим он был обязан не чувству справедливости государственной власти или состраданию правящих: но спасительному страху, который рабочий класс сумел внушить привилегированным классам. Им он обязан только жестокими законами, произволом и дикими репрессиями.

Непримиримая вражда между Государством и рабочим классом является характерной чертой всего девятнадцатого века. Нужно сказать, что правительство, сравнительно легко согласившееся предоставить народу политические права, в то же время упорно отказывалось и отказывается до сих пор дать пролетариату экономическую свободу и только под давлением рабочих масс правительство в конце концов вынуждено было признать за рабочими право собраний, союзов и стачек.

Столь различное отношение со стороны правительства вполне понятно. Признание политических прав за народом не приносит никакого ущерба государственной власти, так как политические права народа не разрушают основных принципов Государства и не подрывают капиталистических устоев современного общества.

Но дело принимает совершенно другой оборот, когда приходится коснуться вопроса об экономической свободе трудящихся. Они для народа реальное благо и могут быть даны только за счет привилегированных классов. Поэтому весьма понятно, что государство, поддерживаемое буржуазией, отказывается до последней крайности уступить хотя бы самую незначительную часть экономических привилегий и рабочим приходится вести упорную борьбу за самые элементарные экономические свободы.

В доказательство этого можно было бы написать целые книги, повествующие о борьбе рабочих с государственной властью и богатыми классами за улучшение своего положения. Но мы ограничимся здесь только несколькими историческими фактами.

Менее чем через два года после взятия Бастилии (Парижская крепость - тюрьма, которую парижский рабочий народ взял приступом и разрушил в 1789 г. во время великой французской революции.) (в июне 1791 г.) буржуазия отняла у рабочего класса право союзов, которое он только что завоевал.

Рабочие видели в революции зарю своего экономического освобождения и поэтому надеялись, что революция осуществит равенство и свободу, которые она выставила на своем знамени.

Рабочие, разрушив Бастилию, как символ старого порядка и уничтожив городские заставы, где взимались пошлины на товары, привозимые в города, думали, что освободились от оков старого режима. Они стали устраивать союзы, чтобы бороться против эксплуатации предпринимателей. Но буржуазия, ставшая у власти, тотчас же поспешила доказать рабочим, что революция была только политической, а не экономической. Буржуазное Учредительное Собрание издало ряд законов против рабочих, а так как рабочим в то время недоставало еще сознательности и опыта, то и подавить рабочее движение было делом не трудным.

Было бы неверным предполагать, что закон Шапелье 1791 г. запрещавший рабочим устраивать союзы, был только "опытом" и те, кто его голосовал не представляли себе его значения. История говорит, что революционеры того времени не протестовали против издания этого закона. Это доказывает то, что все они не давали себе отчета о социальной стороне великой революции и были только демократами. Впрочем, этому нечего удивляться - так как даже теперь мы встречаем массу людей, считающих себя социалистами, тогда как в действительности они просто демократы.

Есть и еще доказательство того, что члены Учредительного Собрания, издавая закон Шапелье, знали хорошо, что они делали. Так, несколько месяцев спустя, а именно в сентябре 1791 г., Учредительное Собрание дополнило закон Шапелье, запрещавший только союзы промышленных рабочих, новым законом, который запрещал устраивать союзы крестьянам и сельскохозяйственным рабочим.

Но не одно Учредительное Собрание относилось враждебно и недоброжелательно к рабочему классу. Все последующие национальные собрания старались также ограничить экономическую свободу рабочих.

Даже архи-революционный Конвент относился не менее враждебно к рабочим, чем другие органы Государственной Власти. В четвертом месяце Второго года Республики он издал закон против союзов рабочих на фабриках, мотивируя, что эти союзы вызывают забастовки.

Такое отношение Конвента, революционность которого так восхваляется, показывает нам ясно, что политические убеждения не имеют ничего общего с экономическими интересами. Несмотря на все изменения форм государственной власти, начиная от демократического Учредительного Собрания до Конвента, от самодержавия Наполеона Первого до монархизма Карла десятого, и кончая конституционным королем Луи-Филиппом, никогда не уменьшалась суровость законов, изданных против рабочих.

Однако, несмотря на суровые преследования, рабочие входили тайным образом в соглашения друг с другом, устраивали союзы и объединялись в общества сопротивления. Когда рабочие союзы размножились и рабочее движение приняло широкие размеры, либеральное правительство короля Людовика-Филиппа в 1834 г. предприняло поход против рабочих. Но оно не могло подавить движения. Несмотря на все запрещения общества сопротивления продолжали развиваться.

Революция 1848 г. была сделана рабочими и под их влиянием в февральские дни были выставлены, главным образом экономические требования. К сожалению, у профессиональных союзов того времени не хватало опытности и надлежащих знаний. Кроме этого городские рабочие относились пренебрежительно к крестьянам, считая их за мелких буржуев; крестьяне так же отрицательно относились к рабочим, видя в них беспокойный и недовольный элемент, вечно бунтующий и устраивающий революции. Вот почему крестьянское население не примкнуло в 1848 г. к рабочим и не поддержало февральскую революцию.

В первые моменты февральской революции 1848 г. испуганная буржуазия оказалась уступчивой и была готова пойти на некоторые жертвы. Но вскоре она оправилась и, дав народу всеобщее избирательное право, предприняла жестокое преследование пролетариата. Избиение рабочих в июне в 1848 г. было первым торжеством буржуазии над рабочим классом. Немного спустя, в 1849 г., Народные Представители, - чтобы лучше подчеркнуть, что они являются только представителями буржуазии, издали закон против рабочих союзов.

Но как реакция Людовико - Филиппа не могла подавить рабочее движение, так и республиканское правительство 1848 г. и последовавшее за ним правительство Наполеона Третьего, оказались бессильными окончательно подавить рабочее движение.

Рабочие, не обращая внимания на запрещения правительства, продолжали устраивать профессиональные союзы и своими стачками заставили наполеоновское правительство в 1848 г. признать за рабочими союзами право на существование.

Таким образом, право союзов было завоевано рабочими тем способом, который мы теперь называем прямым действием. После этого рабочие всех профессий стали объединяться и выступать с своими требованиями.

Среди парижских рабочих в шестидесятые годы выделялись своим революционным темпераментом типографские наборщики; в 1848 г. они устроили большую забастовку, и эта забастовка заставила правительство признать за рабочими право объединяться в союзы первоначально правительство решило было подавить движение и арестовало весь стачечный комитет, а также и наиболее деятельных рабочих.

Но этот произвол правительства вызвал сильный протест не только со стороны рабочих, но и со стороны общественного мнения и передовой печати; под давлением этого протеста правительство и вынуждено было признать за рабочими право союзов.

С завоеванием права союзов профессиональные рабочие организации стали быстро развиваться.

В это время в Западной Европе возникло по инициативе французских и английских рабочих, Международное Товарищество Рабочих, или Интернационал: Под влиянием пропаганды его членов во Франции во всех больших городах были созданы сотни синдикатов и в 1869 г. все синдикаты решили объединиться в Федерацию. Но развитие синдикального движения во Франции было прервано восстанием и разгромом Парижской Коммуны 1871 года.

Мы не будем останавливаться на дальнейшем изложении исторических фактов, но постараемся подвести итоги всему сказанному выше и сделать из них логические выводы.

Мы видим, что в 1791 г. республиканское правительство, созданное революцией, отрицало и отказывалось признать экономические права рабочего класса, оно старалось разъединить его не разрешая ему никаких организаций и, таким образом, отдало рабочих на произвол эксплуататоров.

Затем мы видели, как рабочий класс начал объединяться на экономической почве, мы видели также, как правительство, как бы оно не называлось, пыталось подавить пролетарское движение; но не будучи в состоянии достигнуть своей цели, оно вынуждено было, в конце концов, признать право рабочих устраивать союзы и признать те экономические улучшения, какие добились рабочие при помощи стачечной борьбы.

Что особенно характерно для всех политических и революционных выступлений, какие происходили во Франции за последние сто лет, - это различие и противоположность интересов эксплуататоров и эксплуатируемых, правящих и управляемых. Между этими двумя категориями людей происходит, в силу противоположности их интересов и стремлений, классовая борьба в прямом смысле этого слова.

Синдикальное движение и есть выражение этой классовой борьбы на экономической почве.

Соглашение для жизни. — Основа общественной жизни

Обзор с исторической точки зрения доказывает, что рабочее синдикальное движение является логическим следствием борьбы рабочего класса; теперь мы попытаемся сделать оценку этого движения с философской и социальной точки зрения.

Рассматривая вопрос о том, что такое представляет собою человек, мы должны признать прежде всего, что человек - общественное животное. Он не может жить обособленно от других людей, и история доказывает, что он обособленной жизнью никогда и не жил. Как бы ни были дики первобытные люди, они все-таки жили группами и обществами.

Неверно, как это утверждал философ Жан-Жак Руссо, теоретик демократического рабства, что человек до своего соединения в общество, жил в "естественном состоянии" и мог выйти из него, только отказавшись путем "социального договора" от части своих естественных прав. Этот взгляд разделялся многими буржуазными революционерами

в эпоху 1789 - 93 годов, и он же стал юридической основой тех государственных учреждений, которые нас теперь давят.

Как бы ни были ложны теории Руссо, они дают все-таки философское обоснование принципу Власти, и Руссо вполне справедливо считается теоретическим выразителем буржуазных

интересов. Вот почему буржуазия сделала принципы философии ЖанЖака Руссо своими, и она высказала их в знаменитой "Декларации прав человека и гражданина.

Точно также неверна и теория дарвинистов, проповедующих, что человеческое общество представляет поле битвы и что закон борьбы за существование есть единственный закон, управляющий жизнью людей. Эта теория настолько же отвратительна, насколько и ложна; она придает оттенок научности самой грубой эксплуатации и как бы оправдывает ее с научной точки зрения. Дарвинизм объясняет, что эксплуататор — это сильный и наиболее приспособленный человек, а эксплуатируемый - слабый, сделавшийся таким благодаря целому ряду естественных условий. Слабый человек должен неизбежно погибнуть или быть в подчинении у сильного, таков закон природы.

Эта теория могла иметь успех в нашем обществе только благодаря произвольному и ложному толкованию дарвиновских идей. Дарвинисты упустили из вида то, что Дарвин говорил о борьбе за существование, главным образом, между животными разных родов. Но борьба за существование между существами одного и того же рода или вида уродливое явление и если бы эта борьба была единственным и нормальным законом человеческих обществ, то человечество никогда не достигло бы той ступени развития, на которой оно теперь находится.

Если мы внимательно будем изучать жизнь людей, на какой бы они ступени развития ни находились, то мы увидим, что не борьба и не вражда способствовала сохранению и совершенствованию человеческого рода, а взаимная помощь и поддержка) (О роли и значении взаимной помощи в жизни людей и животных см. в высшей степени интересную книгу П. А. Кропоткина "Взаимная Помощь как фактор эволюции")

Если бы в глубокой древности люди не объединялись бы между собою, то они никогда не вышли бы из животного или дикого состояния. Общественная жизнь является для человека не только необходимым условием прогресса, но также и необходимым условием его индивидуального развития.

Общественная жизнь или - соглашение для жизни - нисколько не ограничивает личность человека, но, наоборот, является средством для развития и роста индивидуальной мощи и благосостояния.

Беспристрастное исследование реальных условий жизни приводит нас к отрицанию теорий, созданных буржуазными учеными; эти теории имеют только одно назначение: оправдать эксплуатацию народных масс.

Действительно не смотря на свои теоретические различия - обе доктрины (демократическая Ж. Ж. Руссо в конце восемнадцатого века и буржуазный дарвинизм девятнадцатого) приходят к одному заключению: они проповедуют необходимость самоограничения и сужения свободы личности.

Обе эти теории утверждают, что человек, живя в обществе, должен принести в жертву Власти и собственности часть своих естественных прав, потому, что сама общественная жизнь требует, чтобы все личности, входящие в состав данного общества урезывали свою

свободу в пользу других.

Но это лживое утверждение не выдерживает никакой критики. Если бы теория борьбы за существование каждого против всех была бы верна, то прогресс был бы невозможен, так как жизнь превратилась бы в постоянную борьбу разоренных зверей, и человек-зверь не имел бы другого способа удовлетворить свои нужды, как только истребляя себе подобных; это была бы постоянная борьба, война, и безграничная жестокость.

Однако несмотря на все эти неверные теории, представляющие общество, как поле битвы, в жизни все-таки существует прогресс, и идея солидарности развивается.

Это объясняется тем, что общественные инстинкты побеждают в человеке индивидуалистические стремления. Многие говорят, что прогрессу общественной жизни содействовало Государство, вмешательство которого в жизнь людей было умиротворяющим и облагораживающим. Но, это совершенно не верно. "Порядок", созданный государством, состоял только в подавлении и угнетении, в пользу привилегированного меньшинства, народных масс, которым не переставали внушать, что отречение от части своих естественных прав является необходимым условием социальной жизни.

Но, буржуазному определению свободы, оправдывающему рабство и нужду, необходимо противопоставить другую формулу, которая действительно выражала бы социальную истину; эта формула такова: свобода каждого человека увеличивается с расширением свободы других.

Только признавая эту формулу мы и сможем объяснить прогрессивное развитие человеческих обществ. Благодетельная сила принципа солидарности и объединения для поддержания жизни была сильнее всех парализующих сил и гнета паразитического меньшинства. Вот почему человеческое общество, несмотря на все войны, гнет и насилия, все-таки прогрессирует!

В наших интересах проникнуться и усвоить вышеприведенную формулу свободы, чтобы сделаться непримиримыми противниками буржуазных измышлений, и чтобы, наконец понять, что слово общество выражает собою прогрессивный фактор в истории человечества и означает соглашение людей для борьбы с природой с целью поддержания своей жизни.

Слово общество - значит союз, ассоциация, это собрание или объединение личностей, составляющих его; у него нет независимой, собственной жизни вне этих личностей, следовательно, не может быть и речи о преследовании какого-либо другого общественного блага, чем личное счастье человеческих существ, составляющих общество.

Соединение людей по их производственным занятиям. Основная ячейка общества.

Если соглашение или союз для борьбы за существование и объединение для поддержания жизни мы признаем общественной основой, то из этого мы должны будем сделать вывод, что строение общества должно быть основано на группировках, а чтобы отдельная личность могла беспрепятственно развиваться, необходимо, что форма группировок вполне отвечала экономическим функциям.

Эти функции выражаются в двух формах:

- потребительной;
- производительной.

Кто хочет быть потребителем, тот должен стать производителем.

Таков нормальный экономический процесс.

Потребитель. Человек должен иметь возможность быть потребителем и удовлетворять свои потребности в пределах возможности. Потребление является мерилем социального развития; чем оно полнее для каждого, тем выше уровень благосостояния общества.

Необходимо, чтобы в современном обществе потребление было организовано на этих основах. В настоящее время потребление человека стесняется и ограничивается тысячами различных мер, которые могут быть устранены или обойдены только при помощи денег. А так как распоряжение "деньгами" находится, главным образом, в руках Государства и правящих классов, то эти классы только одни и потребляют в полной мере. Напротив, рабочий, создающий богатства и делающий годными к употреблению естественные продукты, не имеет возможности, за недостатком денег, удовлетворять нормальным образом свои потребности.

Этот факт является чудовищной несправедливостью несправедливо и безнравственно, чтобы люди, исключая детей, стариков и больных, могли потреблять, ничего не производя. Несправедливо, с другой стороны, чтобы люди, создающие предметы потребления, были лишены возможности их потребления.

Производитель. Производитель, т. е. человек, производящий годные продукты для потребления, выполняет основную органическую функцию, благодаря которой может жить и развиваться каждое общество.

Производитель основа всей экономической жизни и союз производителей является основной и естественной ячейкой общества.

Производители одних и тех же предметов потребления, то есть люди, работающие в одной и той же отрасли промышленности или занимающиеся одним и тем же ремеслом, неизбежно, самой жизнью, сближаются друг с другом и, таким образом, устанавливаются первые узы солидарности и увеличивается общественная связь между людьми.

Такое естественное объединение производителей воплотилось в жизни в группировках по производствам которые и являются краеугольным камнем общества. Ни один союз не представляет столь необходимой и естественной организации, как производственный. Все союзы другого рода играют в общественной жизни второстепенную роль, только союз производителей, создающих предметы и продукты, благодаря которым люди поддерживают свою жизнь, необходимо является основным ядром экономической организации общества.

Сходство экономических интересов и общность стремлений между производителями, объединенными одной и той отраслью труда, и профессией никогда так ясно не сознавалась, как теперь. Это объясняется тем, что никогда еще экономическое развитие не

достигало такой резкой определенности, как в наше время. Кроме этого, в древности и в средние века, когда люди жили пастушескими и охотничьими племенами, в обществе не было резких различий между людьми. Даже позднее, когда люди стали заниматься земледелием и промышленностью, то очень долгое время семья составляла основное ядро экономической жизни. Каждая семья производила, в большинстве случаев, все предметы, необходимые для потребления, своих членов.

В настоящее же время условия экономической жизни совершенно другие. Теперь семья утратила свой характер основной экономической ячейки общества. Капиталистический способ производства при помощи машин и усовершенствованных орудий производства резко отделил процесс производства от потребления и большинство рабочих заняты теперь очень часто изготовлением только какой ни будь сотой части какого-либо предмета потребления. Производство несколько не считается с нормальными требованиями потребления, а управляющие производством капиталисты стремятся только к одному, - как бы возможно больше получить пользы.

Вследствие этого капиталистам совершенно не желательно какое-либо вмешательство или контроль в дело производства рабочих. Рабочие им нужны только как "рабочие руки". Вот почему уже в эпоху Великой Революции буржуазия, ставшая у власти, пыталась разбить стремление трудящихся масс к объединению и, чтобы лишить производителей всякого влияния в области производства, она поспешила разрушить и уничтожить все профессиональные и ремесленные объединения, которые допускал королевский режим. В интересах буржуазии и капиталистического производства важно было, чтобы рабочие и производители не были объединены, а представляли бы разрозненную человеческую массу, где происходит индивидуальная борьба за существование, т. е. борьба за кусок хлеба, за возможность трудиться. Чтобы не дать возможности возродиться снова союзам производителей на экономической почве, буржуазное государство противопоставило узам действительной трудовой солидарности, вытекающей из действительных интересов и потребностей человека, фиктивные связи, исходящие из так называемых демократизма и гражданственности. Религия, бывшая до того времени могущественным орудием для подавления народных стремлений к экономическому благосостоянию, теперь была оставлена либеральной буржуазией, как негодное и устаревшее средство. Нужно было найти другие приемы управления народом, более соответствующие духу времени, и нужно было изобрести другие суеверия, которые помогли бы правящим классам удержать, трудящиеся массы в подчинении. Такими суевериями сделались в девятнадцатом столетии догмат демократии, т. е. учение о "господстве народа", а вместо прежней церковной религии была создана новая светская религия патриотизма. От рабочих масс стали требовать отречения от их прав не во имя церковного бога, а во имя "отечества", блага родины.

Патриотизм

В гражданском воспитании народа буржуазия стремилась пробудить патриотический дух, преданность отечеству. Чисто отвлеченная связь, соединяющая людей, случайно родившихся в изменяющихся границах определенной территории, стала считаться самой

священной. Народ стали учить, совершенно серьезно, что самый лучший день в жизни человека тот, когда он погибнет за отечество, при помощи разных гипнотизирующих средств музыки, военных песен, блестящих мундиров и орденов, народ приучили защищать то, чего у него не было: отечество. На самом деле: патриотизм можно объяснить лишь тем, что человек имеет известную долю общественного богатства и потому он должен вместе с другими защищать эту долю от посягательства другого народа. Но большинство пролетариев не обладает ничем, у большинства рабочих нет ни клочка национальной земли, ни фабрики или мастерской.

Во время старого режима военное ремесло было таким же ремеслом, как и другие (только более варварским), и армия воюющих была просто шайкой корыстолюбивых людей или искателей приключений, воевавших за известную плату. После Великой Революции правительство придумало для народных масс новый налог - налог крови под видом обязательной воинской повинности.

Всеобщая воинская повинность объяснялась тем, что родина или отечество является общей матерью всех граждан и что ее защита должна быть "делом всех". Но, в действительности, отечество было матерью лишь для немногих, для большинства же народа оно было мачехой, заставлявшей народ приносить только жертвы и охранять привилегии правящих. Национальные узы олицетворением которых служит армия в наше время, в действительности, являются средством защиты не общих интересов всей страны, а классовых интересов богатых против притязания трудящихся масс.

Из всего этого вытекает, что гражданские чувства - в высшей степени антиобщественны; принять их как социальную основу общественной жизни, - это значит продолжать строить общественную жизнь на тех же основаниях, на каких она строилась в варварском обществе.

Демократизм

Захватив политическую власть в свои руки, буржуазия не подумала разрушить ту систему угнетения, которая была организована дворянством под видом централизованного государства. Буржуазия ограничилась лишь тем, что перекрасила фасад государственного здания в другой цвет и заставила народ поверить, что это новое учреждение.

Но, в действительности, в обществе полезными и необходимыми являются лишь экономические функции. Каждая же посторонняя группировка, каждая политическая форма, являются надстройкой, создаваемой для власти и эксплуатации народа, а потому вредные для народа.

Но этого народ еще не сознавал в эпоху Великой Революции, и потому его легко было обмануть.

Для того, чтобы воспрепятствовать развитию экономических организаций, трудящихся и помешать сплочению рабочего класса на экономической почве, буржуазия постаралась не только задуть всякие проявления в этом отношении, но поспешила направить внимание

народа в другую сторону и создала учение о демократизме, то есть о том, что весь народ может принимать участие в политической власти.

Эта уловка так хорошо удалась, что понятие политического равенства, самое призрачное из всех, в течение целого столетия служило и служит еще и теперь верным средством для успокоения народных масс; хотя не нужно очень большого ума, чтобы понять, что капиталисты и пролетарии, землевладельцы и бедняки ничуть не равны между собою. Равенство не могло осуществиться в жизни от того, что и богатый и бедный стали пользоваться одинаковым правом голосования.

Демократический обман продолжается! Демократическая ложь до такой степени вошла в сознание народа, что даже теперь очень многие из народа продолжают искренно верить в то, что рабочий класс может добиться своего освобождения демократическим путем.

Сравнивая значение народных масс в жизни страны с количественной слабостью правящего меньшинства, эти люди думают, что достаточно будет развить народные массы, чтобы народ восторжествовал в силу естественного большинства. Демократы убеждены, что когда у власти станут представители рабочих и крестьян, то все будет хорошо. Но это глубокая ошибка.

Бессилие и неспособность парламентов, их незнание народных нужд настолько общеизвестны, что об этом не стоит распространяться. То же самое с городскими и сельскими Думами. Вот уже более четверти века сельские управления во Франции находятся в руках самих крестьян, крупные землевладельцы нисколько не противятся этому, так как отлично знают, что благодаря организации современного государства сельские управления ничего не могут изменить коренным образом.

Во многих городах, в рабочих районах, Городские Думы также находятся в руках социалистов и представителей рабочих, но польза для рабочих от этого не большая. Социалистические Городские Думы не смогли провести в жизнь ни одной реформы, выставленной в их программах. Кроме этого, демократизм имеет еще к другую отрицательную сторону: там, где вера в демократизм сильна, пролетариат направляет всю свою энергию на политическую борьбу, пренебрегая экономической организацией. Хозяева сумели извлечь из этого пользу не встречая на своем пути активного сопротивления профессиональных организаций, они понижали заработную плату, удлиняли рабочий день и т. д.

На севере Франции в городах Рубэ, Армантьере и других, где есть или были социалистические городские Думы, заработная плата ужасно низка. В Арденнах тоже самое, хотя там и были основаны многочисленные профессиональные союзы, но совершенно поглощенные политикой, они не могли вести успешную борьбу с предпринимателями.

Ко всем этим недочетам демократизм прибавляет еще один самый важный: прогресс, как доказывает все историческое прошлое человечества, совершается усилиями революционного меньшинства. Демократизм же ведет к подавлению сознательного меньшинства бессознательным или малосознательным большинством.

Следовательно, демократизм со своим правом всеобщего голосования и с политическим господством народа стремится укрепить экономическое рабство рабочего класса.

Уклонение рабочего экономического движения с верного пути могло быть только временным. Профессиональное объединение трудящихся не есть объединение, созданное искусственным путем; оно зарождается и развивается неизбежно во всякой среде, где есть наемные рабочие и предприниматели. Объединение трудящихся встречается и в древности, и в средние века, и в наше время. Но везде это объединение было подавляемо привилегированными классами, боявшимися распространения таких союзов, но никакие запреты и гонения не могли искоренить у рабочих стремления к

профессиональной организации. Под той или другой формой, под тем или иным названием, профессиональные союзы рабочих продолжали жить и развиваться.

Нечего удивляться, что профессиональный союз обладает такой жизненностью, полное уничтожение таких организаций невозможно даже по тому одному, что для этого потребовалось бы уничтожить одновременно и все общество. Буржуазия вынуждена была признать за рабочими право союзов и профессиональной свободы. И это право было добыто рабочими упорной борьбой.

Синдикальное право

Синдикализм, то есть рабочее движение на экономической почве, завоевывая экономическую свободу для рабочего класса, создает новое право. Говоря об этом, мы должны различать право теоретическое и отвлеченное, которое проповедует демократизм, от реального права, которое представляет совокупность наших интересов и свободы.

Синдикальное право не имеет ничего общего с демократическим правом.

Демократическое право это выражение воли бессознательного большинства, это право, провозгласившее в теории принципы равенства и братства, в действительности узаконило экономическое рабство и угнетение людей инициативы, прогресса, науки и свободы.

Синдикальное право совершенно противоположно.

Оно исходит из признания личности, как автономного существа, и приходит к союзу, к солидарности. Таким образом логическим и неизбежным следствием синдикального права является установление действительной свободы и социального равенства.

Рабочие, объединённые в синдикатах и федерациях, борются и добиваются улучшений не только для себя, но для всей совокупности рабочих; своей борьбой они изменяют всю социальную обстановку и завоеванные ими свобода и улучшения условий труда распространяются на весь рабочий класс.

Это распространение на всех результатов победы немногих доказывает превосходство синдикального права над демократическим. Как мы далеки от буржуазно-демократического права, утверждающего, что каждый человек кузнец своего счастья. В рабочем классе каждый сознает, что борясь для себя, он борется за всех.

Рабочие не признают узости и скупости буржуазии, порождающей под предлогом индивидуального благополучия нищету и смерть и истощающей источники жизни; они убеждены, что союз и объединение для взаимопомощи одно из условий общественного прогресса, они отождествляют свои интересы с интересами общества. Когда синдикат добивается какого ни будь улучшения у капитализма, он хочет, чтобы все воспользовались результатами его победы - все - и не синдикированные рабочие, и даже желтые.

Это чувство широкого братства, это глубоко человеческое понимание значения взаимной помощи в общественной жизни придает синдикализму особую нравственную красоту. Его/превосходство над демократическими принципами, порождающими только низость, братоубийственную борьбу и социальную рознь, неоспоримо.

Итак, синдикальное право определяется, как выражение нового права, глубоко человеческого, пробуждающего народное сознание; на место отживающих догматов она выдвигает новые, которые помогут людям осуществить социальное возрождение. Синдикальное право является предвестником нового общества, в котором на место карающего закона будет установлен режим свободного соглашения между заинтересованными, а вместо капиталистического способа производства будет установлен экономический федерализм, который обеспечит за каждым человеком благосостояние и свободу.

Заключение

Было бы правильнее сказать: "введение".

Действительно, на предыдущих страницах я пытался определить основные черты синдикализма. Но, самое существенное остается еще впереди: нам нужно показать соответствие профессиональной деятельности с профессиональными теориями при помощи фактов и примеров, и доказать, что синдикаты иногда даже бессознательно вдохновляются этими стремлениями.

Нам необходимо также показать, что применение на практике этих руководящих основ имеет большое влияние на современное общество и что на место прежней организации уже появляются ростки нового общества, где человек будет развиваться свободно в среде производственных автономных союзов.

Об этом и будем говорить на следующих страницах.

Версия #2

■■■■■■■■■■ ■■■■■■■■■■ создал 13 августа 2025 20:23:09

■■■■■■■■■■ ■■■■■■■■■■ обновил 13 августа 2025 20:25:31